

ФОРМА И ПОРЯДОК МЫШЛЕНИЯ В МЕТАФИЗИКЕ Р. ДЕКАРТА

Свое родословие новоевропейская метафизика ведет с Р. Декарта. Именно Декарту принадлежит честь определения сущности новоевропейского философствования, в исток которого он положил акт перевода первого лица единственного числа из риторико-стилистического в онтологически-категориальный план. Исследуя природу мышления, французский философ приходит к ясности следующего рода: «...я — субстанция, вся сущность, или природа, которой состоит в мышлении и которая для своего бытия не нуждается ни в каком месте и не зависит ни от какой материальной вещи»¹. С завидной настойчивостью Картезий повторяет едва ли не в каждой фразе местоимение «я», возводя грамматическую функцию в сознательную личную позицию и, более того, полагая ее структурным основанием философского акта: «...пользуюсь случаем просить наших потомков никогда не верить, когда им говорят, что та или другая мысль исходит от меня, и считать моим только то, что я сам обнаружил»². В конце концов Декарт постулирует метафизику как искусное произведение за авторством конкретного Я: «Мое намерение никогда не простиралось дальше того, чтобы преобразовывать мои собственные мысли и строить на участке, целиком мне принадлежащем»³.

Итак, метафизика есть путь мышления, а мышление разворачивается на территории Я, «субъективности». Попробуем очертить границы этой территории. Декарт выделяет четыре познавательные способности: разум, чувства, воображение и память. Все четыре способности суть формы сознания и мыслительных актов, но только разум относится к сущности мышления и, соответственно, к сущности Я, все же остальное есть в некотором роде привходящее и необязательное. Подробно разбирая в «Правилах для руководства ума» структуру познавательных способностей, Картезий сравнивает чувства с воском, на котором воздействие объекта напечатлевает те или иные фигуры, а фантазию (воображение) и память описывает как ряды операций, кои со-

¹ Декарт Р. Рассуждение о методе // Декарт Р. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 269.

² Там же. С. 291.

³ Там же. С. 258.

© А. Л. Бауман, 2005

вершает с этими фигурами мышление, самим этим операциям сущностно непричастное⁴. В пику Аристотелю и схоластам, считавшим чувства, память и воображение «частями души», Декарт прямо называет эти способности «частями тела», подобным познающими подобное; и в самом деле, «воображать — значит созерцать фигуру или образ телесной вещи»⁵, иными словами, воображение «есть не что иное, как применение познавательной способности к телу, как бы внутренне во мне присутствующему и потому существующему»⁶.

В то же время «наша душа имеет природу, совершенно независимую от тела»⁷, а сущность души как раз и именуется мышлением. Душа/мышление есть для Декарта простой персональный акт самосознания, индивидуальным усилием удержания естественного света (врожденной онтологической внятности ума) приводящий собственную природу к предельной ясности и отчетливости. В этом акте совершенно отождествляется то, что еще для античной платонической традиции представляло собой существенно различные ступени в иерархии способностей души: рассудок (*διανοία*) и разум, ум (*νοῦς*)⁸. Если под рассудком понималась последовательность аналитических и логических процедур, то разум определялся как чистое вневременное созерцание сущего самого по себе. Для Декарта рассудок/интеллект (*entendement, intellectus*), разум (*raison, ratio*), ум (*esprit*), здравомыслие (*bon sens*) и, в конце концов, мышление/представление (*cogitatio*) — синонимы; все различия внутри единого и простого акта мысли снимаются как раз самой простотою этого акта, его неразложимостью и безосновностью.

Впрочем, след отличия дискурсии рассуждения от мгновенной вечности созерцания все же пропечатался в декартовском описании природы *cogito*. Мышление здесь характеризуется прежде всего спонтанностью и целеустремленностью, нюансирующими два лика ума: абсолютно ясное единомгновенное схватывание очевидности, отчетливое постижение сущности сущего в интеллектуальной интуиции... разворачивается и закрепляется последовательной дедукцией метода, совершенно «необходимого для разыскания истины вещей»⁹. Не что

⁴ Декарт Р. Правила для руководства ума // Декарт Р. Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 113–126.

⁵ Декарт Р. Размышления о первой философии // Там же. Т. 2. М., 1994. С. 24. — Перевод изменен.

⁶ Там же. С. 58.

⁷ Декарт Р. Рассуждение о методе. С. 285.

⁸ Подробнее об этом см.: Никулин Д. В. Пространство и время в метафизике XVII века. Новосибирск, 1993. С. 12–18.

⁹ Декарт Р. Правила для руководства ума. С. 85.

иное, как метод упорядочивает событие понимания, не давая ему сбиться на смутный произвол аффектов; потому глубоко неправы пренебрегающие опытами и последовательностью рассуждения философы, думающие, «что истина выйдет из их собственного мозга, словно Минерва из головы Юпитера»¹⁰.

Однако истина все же есть ясная и отчетливая достоверность личностного самосознания. Именно поэтому регион мышления так тщательно отграничивается Декартом от традиции, чужих мнений и воображения, т. е. представления телесных вещей, поскольку все они определяют Я *извне*. Мышление же — это постоянная (внутренняя) работа собственного (само)переопределения, каждый раз сызнова воспроизводящегося удостоверения себя в себе самом, полагания себя и только себя в основание своего Я¹¹. Процедура сомнения, положенная Декартом в основу самосознающей деятельности мышления, как раз и есть самостоятельное и ответственное взыскание достоверности, рассыпание предшествующих генеалогий и актуальное продление беспочвенного и сходящего на нет свободного настоящего, ничего не принимающее из того, что не прожито и пережито субъектом как последняя и несомненная истина. «На что заранее и всегда нацелена такая сомневающаяся мысль, так это на обеспеченную установленность представляемого внутри круга контроля и учета» (М. Хайдеггер)¹², а онтологическая структура этого круга придает мышлению непоколебимую ясность в том, что *внятная отчетливость мыслительного расчета не допускает обмана и мистификации: интенсивность моего существования достигает своей высшей точки только тогда, когда Я в мышлении проживаю эту жизнь как мою собственную* и ничью другую.

¹⁰ Там же. С. 92.

¹¹ Подробнее об этом см.: Сухачев В. Ю. Страсти по Декарту: между метафизикой *cogito* и телесной практикой // Вестник Псковского Вольного университета. 1995. Т. 2. № 4–6. С. 18–29.

¹² Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 123.